

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ
ДЛЯ ПАЛЬМИРЫ**

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев

Обратный отсчет для Пальмиры

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Обратный отсчет для Пальмиры / С. И. Зверев —
«Эксмо», 2017 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-94701-0

Уходя из Пальмиры, боевики оставили в разрушенном городе кровавый сюрприз. Они заминировали древние памятники, вывели все детонаторы на один пульт и тщательно его замаскировали. Адская машина должна сработать в тот момент, когда в город войдет основной отряд российских саперов. Найти пульт и спасти город от полного разрушения поручено группе спецназа капитана Бориса Котова. Бойцам удастся захватить в плен одного из главарей бандитов. Тот соглашается показать, где спрятан пульт, но в последний момент кончает жизнь самоубийством. В распоряжении Котова остаются считанные часы. И тогда капитан решается на необычный и очень смелый план...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94701-0

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Иванович Зверев

Обратный отсчет для Пальмиры

© Зверев С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава 1

Провинция Алеппо.

Пригороды города Эр-Рифад

Крупнокалиберный пулемет бил длинными очередями. Капитан Котов лежал в белой пыли и каменном крошеве и ждал, когда бойцы его группы подползут ближе. Пока, не жалея патронов, лупит эта длинноствольная «дура», невозможно говорить и уши закладывает, но вполне можно этим воспользоваться и занять позицию поближе к боевикам, укрепившись в разрушенном доме и обстреливающим отсюда позиции сирийской правительственной армии.

– Барс, я – Седой! – послышался в коммуникаторе голос заместителя Котова старшего лейтенанта Сашки Белова. – Мы на месте. Я оставил шестерых ребят у машин. По нашему сигналу они будут прорываться в город.

– Понял, Седой! Занять позицию, выставить охранение и наблюдать. Зима! Давай ко мне!

Лейтенант Зимин, штатный переводчик, выпускник МГУ, знающий арабский язык и культуру арабских стран, был единственным не спецназовцем в группе. Но за те месяцы, что ему пришлось работать в Сирии, он стал неплохим бойцом и выполнял уже задания, порой далекие от перевода документов и помощи в допросах пленных, хотя Котов старался его беречь и неохотно привлекал к боевым операциям. Лишиться переводчика, когда группа находилась в глубине территории, контролируемой боевиками ИГИЛ, и не иметь больше ни одного человека, который хоть с грехом пополам понимал арабский, было верхом командирского легкомыслия.

– Здесь, командир! – выдохнул запыхавшийся Зимин, падая рядом с Котовым на камни.

– Как слон топаешь, – проворчал капитан. – Что там «бандерлоги» копошатся, послушай.

Зимин стал смотреть, чуть приподнявшись на руках из-за камней. Метрах в пятидесяти от них в развалинах дома стояла на треноге большая труба с прицелом. Котов хорошо различил, что это американский тяжелый противотанковый комплекс BGM-71 TOW. Штука мощная, но далеко не новая, хотя все еще и стоявшая на вооружении в армиях США и НАТО. Группа Котова искала другое тяжелое вооружение, имевшееся у боевиков, более современное. Командованию были нужны свежие доказательства того, что Турция и США продолжают снабжать международную террористическую организацию не только стрелковым, но и тяжелыми штурмовыми и противотанковыми системами.

– Они целятся в танк, – сказал Зимин и повел биноклем в сторону городской окраины.

– Судьбу твою в душу! – зло прошипел Котов, осматривая сирийские позиции. – Куда же они его выставили, как на витрине!

– Где? – торопливо вода биноклем по сторонам, спросил Зимин.

– Вон между домами, чуть повыше, видишь, корма виднеется? Хороший аппарат, «Т-90», а они с ним так! Когда только воевать научатся!

– И мы помочь не можем, себя выдадим, – уныло пробормотал лейтенант.

– Седой! – Котов постучал по микрофону коммуникатора у своей щеки. – Как там окрестности? Епонский...

Возглас капитана потонул в грозном реве установки на позиции боевиков. Ракета вырвалась из ствола установки и, сверкая огнем реактивного двигателя и оставляя легкий белый шлейф, понеслась к цели. Котов стиснул зубы, представляя, что сейчас произойдет. Первый заряд обезвредит динамическую броню, если она там на танке есть, а затем кумуля-

тивная струя основного заряда ракеты прожжет борт танка, и все внутри мгновенно погибнут от резкого повышения температуры и давления. Грубо говоря, стгорят заживо.

Удар, вспышка – и огромное облако пыли поднялось вокруг танка. Спецназовец успел даже различить, как многотонная туша машины качнулась от разрыва ракеты. Боевики возле американской установки приплясывали, вопили хвалы Аллаху и, видимо, на чем свет поносили неверных.

– Капец, – тихо сказал Котов.

– Что там? – не понял Белов. С его позиции за спиной командира метрах в десяти было не видно, что творится здесь.

– Американская «шайтан-труба» плюнула в сирийский танк, – проворчал Котов. – Чуть бы нам пораньше здесь появиться, и спасли бы ребят, перебили бы «бандерлогов».

– Война, командир, – как всегда, рассудительно заметил Белов. – Мы всюду не успеем. Должны бы и сами научиться не подставляться.

– Смотрите! – вдруг удивленно зашептал и завозился рядом Зимин. – Вы только посмотрите!

Не веря своим глазам, Котов навел бинокль на танк и увидел, как в клубах оседающей и рассеивающейся пыли поднялась крышка верхнего башенного люка, и из танка выбрался танкист. Он спрыгнул на землю, отряхнул штаны, а из башни уже лез второй. Котов мысленно зашептал: «Только бы эти «плясуны» не увидели, только бы не увидели. Срежут ребят из крупнокалиберного пулемета».

– Седой, это Зима, – не унимался переводчик. – Прикинь, они не смогли из этого «косо-плюя» «Т-90» подбить.

– Что, серьезно? – удивился Белов. – Ну и вояки! Барс, на горизонте чисто. Позиции других групп боевиков: ориентир «2», на запад, «на одиннадцать часов». Пулеметная точка. Ориентир «3», «на два часа», группа пехоты – до десятка человек с автоматическим оружием.

– Понял, Седой! Всем, я – Барс, команда приготовиться! Боб, Лишай, Сокол – огневое прикрытие. Седой, атакуешь двумя крыльями, сразу отрезаешь их от своих. Готовность – две минуты. Атака – по команде «плюс».

Котов наблюдал за боевиками. Там уже перестали прыгать и бесноваться от радости и снова начал бить длинными бестолковыми очередями крупнокалиберный пулемет, а полтора десятка бойцов шумно обсуждали что-то, показывая руками на окраину города. «Американская система далеко не новость, – думал капитан, – но эту группу все равно не обойти. А если уж ввязываться в бой и уничтожать их, то и оружие стоит прихватить. Не помешает Сидорину в его делах для воздействия на союзников по коалиции».

Полковник Сидорин был представителем на базе Хмеймим от Главного разведывательного управления Генштаба. Собственно, он единственный и самый главный начальник Котова и командиров других групп спецназа в Сирии. Спокойный, немного грузный и уже лысеющий Сидорин был человеком уникальным. Он умел просчитывать ситуацию на много шагов вперед буквально «на колене», то есть имея под рукой минимум информации, зато обладая огромным опытом работы в «горячих точках» по всему свету, и прекрасно знал тактику и стратегию подобных полупартизанских войн, когда с одной стороны – ослабленная и почти деморализованная правительственная армия, а с другой – кучка фанатиков и толпа наемников. И почти полная неразбериха по всей территории в пределах прежних границ государства, а то и за ближними пределами этих границ. Как, например, на границе с Турцией. Граница вроде и есть, Турция вроде и входит в западную коалицию, являясь членом НАТО, а торгует с боевиками направо, причем не стесняясь вообще никого. И главное, все в мире об этом знают.

Котов глянул на часы. Две минуты истекли. Затихли в наушнике звуки перемещения людей, пыхтение и тихие переговоры. Старшие каждой из трех групп доложили о готовности.

– Всем внимание, я – Барс! – сказал Котов в коммуникатор. – Всем команда... «Плюс»!

И тут же два ручных пулемета спецназовцев хлестнули по относительно открытой с этой стороны позиции боевиков. Двое из возившихся с противотанковой системой тут же повалились на камни. Плечистый молодой пулеметчик присел, схватил свое мощное оружие, явно намереваясь переместиться в задний сектор, но тут пуля старшины Алейникова, лучшего снайпера группы, разбила ему череп, забрызгав каменную стену кровью. Еще один боевик схватился за плечо и сполз на землю, другой ткнулся головой в камни и затих. Котов наблюдал за действиями своей группы и покусывал по привычке нижнюю губу. Два ручных пулемета и снайперская винтовка прикрывали атаку второй части группы. Сейчас пулеметы уже не били длинными очередями, высекая искры и разбивая пулями камни в мелкое крошево, сейчас спецназовцы стреляли короткими экономичными очередями, не давая оставшимся боевикам высунуться и стрелять прицельно по атакующим.

У них в барабанных магазинах закончатся патроны, привычно определил Котов по темпу стрельбы своих пулеметчиков. И точно, один пулемет замолчал, несмотря на то что в барабане у него еще оставалось патронов на пару очередей. Нужно дать возможность второму пулеметчику выполнять задачу, прижимать огнем боевиков. Нельзя, чтобы оба пулемета замолчали, пусть и не надолго, но одновременно. И вот снова заработал первый, теперь второй, выстрелив все «до железки», спокойно сможет тоже сменить барабан.

Ну вот, заметили, мысленно усмехнулся капитан, увидев, что боевики пытаются стрелять в направлении приближавшихся к ним спецназовцев. Они явно ошарашены тем, что к ним приближаются с двух сторон всего по два бойца, да еще так умело применяясь к местности и ведя точный огонь из любого положения. Поняли, упыри, что это не сирийцы! А вот и критический момент, когда из укрытия могут полететь гранаты. Важный момент, кто опередит... И тут же между седыми от пыли остатками стенной кладки старых домов одна за другой взорвались две гранаты. Почти одновременно с взрывами четыре фигуры в камуфляже и без знаков различия поднялись в полный рост и мгновенно оказались на камнях. Несколько коротких очередей вниз, и все было кончено.

Появилась голова старшего лейтенанта Белова. Офицер посмотрел в сторону позиции командира и постучал по микрофону пальцем.

– Барс, я – Седой, – слышался в коммуникаторе его спокойный голос. – Минус четырнадцать. Чисто.

– Понял, Седой. Заканчивайте, – ответил Котов и повернулся к лежавшему рядом Зимину: – Вот и все. Как говорится, чтоб дело мастера боялось, он знает много страшных слов. Пошли!

Одним движением капитан поднял свое тренированное, гибкое, как у дикого зверя, тело и бросил его вперед. Пригибаясь, сливаясь с развалинами, лавируя между камнями, он в несколько перебежек преодолел расстояние до захваченной позиции боевиков. Зимин догнал его через двадцать секунд, виновато повесив голову. Переводчик не мог еще тягаться в таких делах с профессионалами. Спецназовцы мельком глянули на командира и продолжили торопливо обыскивать трупы в поисках документов, личных вещей, которые помогли бы идентифицировать личности убитых или другим образом оказаться полезными военной разведке. Отдельно осматривалось и складывалось оружие боевиков. Вся работа проводилась быстро и тщательно. Чувствовалось, что каждый делал это не в первый раз и хорошо знал, что важно, а что не представляет ценности.

Двое спецназовцев снимали с треноги трубу противотанкового комплекса. Алейников морщился, стараясь не прикасаться к тому месту кожуха, который был забрызган кровью и

мозговым веществом. Язвительный и несдержанный на язык Володя Лысаков, получивший за свои личностные качества прозвище, а потом и позывной «Лишай», только посмеивался и шептал, что глаза снайперу даны не для того, чтобы в дырочку глядеть, надо еще уметь и трофейное имущество не портить и всякой гадостью не пачкать. А вдруг она заразная?

Двое спецназовцев наблюдали за другими позициями боевиков, где всполошились из-за сильной стрельбы, которая только что здесь была слышна. Однако никто не предпринимал попыток прислать связного или связаться по рации. Котов поднял изувеченный попаданием нескольких пуль передатчик с плечевым креплением для ношения на спине.

– А вот это интересно, – кивнул он Зимину. – Знаешь, что это за фиговина? На военной кафедре вы такое не проходили?

– Радиостанция? – спросил переводчик.

– Точно. Это называется «Радиостанция сети боевого управления» (РСБУ). Она призвана обеспечивать обратную связь с вышестоящим командованием и соседними подразделениями с применением высоких частот VHF и горизонтальных каналов связи за счет использования высокой частоты HF и военной спутниковой связи MILSATCOM.

– MILSATCOM? Так она американская?

– В чем и вся прелесть, – сплюнул Котов. – Уж не знаю, как эта хрень сюда попала, но использует она натовскую военную спутниковую связь. Седой, кинь на брезент, с собой возьмем, Сидорину на потеху.

– Барс, это Зуб! – раздалось в коммуникаторе. – К нам гость.

Котов мгновенно присел и повернулся лицом на северо-запад. Двое спецназовцев лежали в десятке метров друг от друга и держали под наблюдением всю южную сторону от захваченной позиции. И где-то там сейчас был человек, которого они засекли. Почему один? Послан для связи, на разведку из-за дикой стрельбы тут?

– Зуб, доложи, что видишь! – приказал капитан, жестом подзывая к себе Зимина.

– Один, с бородой, брюнет в черной шапочке с зеленой полосой и с изречениями из Корана по краю. Из оружия – «АК-74» и пистолет в кобуре. «Разгрузка» полна. Запасные магазины, гранаты, нож. Ползет к нам и думает, что мы его не видим.

– Боб! – подозвал старшего сержанта Крякина Котов. – Иди туда, возьмете его живым. Зуб, к тебе Боб идет.

Спецназовцы торопливо заканчивали свои дела на захваченной позиции, Белов вызвал бойцов, оставшихся в полукилометре отсюда с тремя пикапами группы, и велел готовиться и ждать сигнала на прорыв.

– Давай, Олег, – тихо сказал Котов переводчику. – Встань в полный рост и начни деловито командовать по-арабски. Приказывай вытащить за бруствер убитых, вызвать машину за ранеными и забрать пленных. И все время ругайся, поторапливай. Агрессивно и уверенно, понял?

– Так точно, задачу понял!

Зимин оставил на земле свой автомат, поднялся, стащив с головы камуфляжную летнюю фуражку, и затараторил по-арабски. Спецназовцы стали оглядываться на лейтенанта и заулыбались. Зимин вошел в роль и вполне правдоподобно покрикивал на несуществующих нерадивых помощников. Котов хотел, чтобы он отвлек неизвестного, который пробирался скрытно к их позиции. Пусть расслабится и думает, что бой закончился, но боевики на месте и ситуация под контролем. Здравый смысл подсказывает, что разведчик, а он, очевидно, со стороны боевиков, послан не один. Но верить своим ребятам Котов привык, и раз наблюдатели говорят, что один, значит, так и есть.

Резкий вскрик и шум падающего тела заставили Зимина замолчать. Котов сразу высунул голову. Коренастый и широкоплечий Боря Крякин сидел верхом на каком-то человеке. Несколько резких движений, и руки пленника были прочно связаны за спиной пластиковыми

вязками. Выскочивший Миша Зубченко подхватил боевика под вторую руку, и оба спецназовца через пару секунд уже втаскивали пленника под прикрытие стен. Котов, усевшись на камень, велел поднять и поставить на колени незваного гостя.

Человек даже внешне не выглядел как сириец, турок или араб. Да он же кавказец, понял капитан. Наемник?

– И куда же ты, друг ситный, лыжи наострил? – спросил он по-русски.

– Вы кто? – с заметным кавказским акцентом заговорил пленник, блестя черными настороженными глазами.

– Время теряешь, – поморщился капитан, вставая на ноги и вытягивая из кобуры «беретту». – Причем наше время. Отвечаешь – и идешь с нами к сирийцам в плен, а там уж как Аллах распорядится. Не отвечаешь – остаешься здесь с дыркой в голове. Мне с тобой валандаться некогда.

Котов передернул затвор и приставил дуло пистолета ко лбу пленника. Его одолевало безразличное чувство к человеку, который за деньги отправился в чужую страну увеличивать меру зла, которая здесь и так зашкаливает. Слишком много трупов по всей Сирии, причем трупов стариков, женщин, детей. Трупов обезглавленных заложников, почти уничтоженная страна, искалеченные жизни миллионов. Мерзко, гадко... как скорпион на ботинке. Хочется взбрыкнуть ногой, сбросить его и припечатать каблуком так, чтобы брызнуло на камни внутренностями.

– Вы – русский спецназ? – проигнорировал предупреждение Котова пленник.

– Вот этого тебе вообще знать не следует. И рассказывать никому тоже, – покачал с сожалением головой капитан. – Прощай!..

Но что-то помешало ему нажать на спусковой крючок, видимо, интуиция сработала. Он отвел пистолет и посмотрел в глаза пленника. В этих глазах не было страха, отчаяния, а лишь злое сожаление и досада.

– Слушай, ты чего такой бесстрашный? – удивился Котов. – Бессмертный, что ли?

– Кому и когда умереть, решают не люди, – усмехнулся пленник. – Но не стоит торопить этот момент. Ты здесь командир? Мне нужно тебе что-то важное сказать.

– Кто ты такой? – нахмурился капитан.

– Этого я сказать не могу. Но я вам не враг! Я специально шел сюда, потому что понял, что атаквали не простые солдаты, а теперь вижу, что не зря так подумал. Информация попадет по назначению.

– Ну, валяй! – убирая пистолет в кобуру, сказал Котов.

– Я не знаю, насколько это срочно и важно. Но мой друг заплатил за эти сведения жизнью.

– Ну-ну, не набивай цену. Говори!

– В Пальмире руководство ДАИШ¹ организовало мощное минирование. Пострадают не только жилые кварталы, но и памятники истории и культуры.

– Большая новость, – холодно отозвался Котов. – Я поражен. Дальше.

– Вы не понимаете, – начал горячиться пленник, – я не имею в виду то, что огромная территория просто заминирована, что там понатыканы фугасы, установлены растяжки, противопехотные мины и всякая другая ерунда.

– Ерунда? – вскинул брови капитан. – Во всем мире такого рода варварская ерунда уносит жизни тысяч мирных жителей, которые к конфликтам как раз никакого отношения не имеют.

– Вот и я о том же, командир. Там все серьезнее.

---

¹ Арабское название ИГИЛ (ДАИШ – ад-Дауля аль-Исламия). ИГИЛ, или сокращенно ИГ, – Исламское государство Ирака и Леванта. (Здесь и далее прим. автора.)

– Хорошо, – пожал Котов плечами. – Пойдешь с нами и в спокойной обстановке расскажешь, что там уж такого необычного наминировали.

– Нет, командир, я не могу с вами идти, – запротестовал пленник.

– Ну, что, – не выдержал старший лейтенант Белов, – спеленать его и волоком? Заболтались мы тут, а время идет. Этот парень нам явно зубы заговаривает, резину тянет.

– Да что же вы тупые такие! – взорвался вдруг пленник и завернул такую матерную композицию с кавказским акцентом, что на него с восхищенным изумлением обернулись все спецназовцы на позиции. – Я вам русским языком говорю, что в Пальмире что-то минировали целенаправленно, чтобы потом, когда приедут российские саперы и займутся спасением исторического наследия мирового значения, взорвать все сразу... И жилые кварталы захватить! Мы не сумели узнать подробности, но я могу хотя бы предупредить. Там копали, много копали и прятали. Там не все можно найти современными средствами.

– Кто ты такой? – хмуро спросил Котов, подходя к пленнику и садясь напротив него на камень.

– Это неважно, командир, – дернул головой кавказец. – Ты профессионал, ты должен понимать цену такому предупреждению.

– Должен. Только ты ничего не сказал. И ты правда думаешь, что я тебя отпущу?

– Поверь, брат, – устало проговорил пленник. – У нас с тобой одна большая родина. Только ты родился на равнине, я в горах. Но у нас одно солнце, одна идея, одна родина. Ты выполняешь свой долг, я – свой, по-другому. Если я не вернусь, значит, другие мои братья погибли здесь напрасно. Поверь мне, командир. И предупреди своих, что Пальмиру разминировать нужно крайне осторожно. Я думаю, что там устроили какую-то грандиозную минную ловушку. Наверняка есть точка, откуда все это можно взорвать. Это какой-то минный узел, что-то по принципу минного заграждения. И наверняка есть пульт управления. Если ты понимаешь немножко в этих вещах, командир, то знаешь, что мину можно взорвать лишь сигналом с небольшого расстояния или со спутника, но это уже другой уровень.

– Где примерно расположен предполагаемый пульт?

– Не знаю.

– Какие территории предполагаются к уничтожению?

– Не знаю.

– Кто из полевых командиров, какие группировки в этом участвовали?

– Не знаю.

– И что мне с тобой делать? – вздохнул Котов. – Пришел, нарасказывал сказок и хочешь уйти. Ты хоть представляешь себе такого представителя силовых структур или спецслужб, кто тебя в подобной ситуации отпустил бы?

– Да, – кивнул пленник, – представляю. Свои отпустят.

Котов сидел и молча смотрел прямо перед собой, взвешивая то, что сказал пленник. Белов поймал взгляд командира, показал на наручные часы и в сторону, где сейчас находились машины группы, готовые к прорыву. Котов кивнул своему заместителю и стал смотреть, как Белов командует по коммуникатору. Вот спецназовцы, оставшиеся у пикапов, получили приказ. Расселись по машинам, в кузов каждого пикапа взобрались по два человека, развернули пулеметы. Заработали моторы, и три машины вынырнули из зарослей, где были замаскированы, и понеслись в сторону пригородов.

Они должны были пройти по бездорожью в пятистах метрах от ближайшей позиции боевиков. Достаточное расстояние, чтобы их не успели разглядеть и расстрелять. Немного рискованное предприятие, но иного выхода нет. Ребята знают приказ, что, если одну машину подобьют, то они обязаны будут ее взорвать вместе с остатками снаряжения, чтобы никто не смог идентифицировать остатки с принадлежностью к российской армии.

Звуков моторов было не слышно, но пленник вскинул голову и стал смотреть в ту сторону, где сейчас должны были нестись машины спецназовцев. Вот раздались отдельные выстрелы... пулеметная дробь далеко рассыпалась по равнине. Затем тишина, выстрелов больше не слышно. Белов посмотрел на командира и кивнул с еле заметной улыбкой. Значит, прорвались. Ну, и отлично. Теперь надо решать с этим. Ребята отошли в сторону, все поняли знак командира оставить их вдвоем с пленником.

– Как тебя зовут? – спросил Котов.

– Ты знаешь правила, командир, – серьезно ответил тот. – Но я не хочу тебя обижать. Зови меня Асланбек.

– Чеченец, – тихо проговорил капитан, – «черный» спецназ Рамзана Кадырова...

Пленник промолчал, не выдав себя ни кивком, ни улыбкой, ни голосом.

– Твой друг погиб, говоришь?

– Да. Мы с ним вместе еще в школе учились, за одной партой сидели. Служить вместе пошли. Мне еще в его дом черную весть принести предстоит. Хотя... принесут и без меня. Но я друг, я должен прийти. Большое горе для мусульманской семьи, когда нет тела, когда похоронить нечего.

– Хорошо, Асланбек, иди.

– Как тебя зовут, командир? – не делая попытки подняться, спросил чеченец.

– Борис, – ответил Котов.

– Хорошо. Я передам дома, если в гости придет русский по имени Борис, то мать и сестры должны будут принять его как самого дорогого гостя, как моего брата.

– Передай, – кивнул Котов, вставая. – Ты сам-то выживи, Асланбек. Увидимся еще.

– На все воля Аллаха, – ответил чеченец и протянул руку. – У нас на родине говорят: «Далекий друг подобен высокой башне». Не потеряемся.

– Верните ему оружие, пусть идет, – приказал бойцам капитан.

Провинция Латакия. Авиабазы Хмеймим.

Расположение российских ВКС в Сирии

Полковник Сидорин ходил по комнате в своем модуле на базе Хмеймим, заложив руки за спину и наклонив тяжелую голову с заметно пробивающейся лысиной. Командир Котова был зол, недоволен, раздражен, и, что самое главное, он так и не решил, прав был его подчиненный или не прав. Это злило и раздражало полковника еще больше. И еще то, что капитан Котов его в эту ситуацию вверг. И теперь, когда на базе появился подполковник Ивлиев, заместитель командира группы саперов, которая будет заниматься разминированием Пальмиры, ему приходится «держаться марку» и стараться выглядеть солидно и умно. А его подчиненный взял и отпустил «языка», который навешал капитану спецназа ГРУ лапшу на уши и спокойно ушел.

– А может быть, все так и есть, а, Михаил Николаевич? – спросил худощавый, загорелый до черноты Ивлиев. – Ведь все очень похоже на правду. И потом, какой смысл даже заикаться об этом, если, по-вашему, это дезинформация? А капитан ваш просто не хотел ломать чужих оперативных комбинаций. Как раз очень дальновидно для разведчика.

Котов со вздохом посмотрел на подполковника, который ему весело подмигнул. Вообще-то Сидорин по всем признакам уже остыл и был готов признать, что его подчиненный командир группы в той ситуации поступил правильно. Осталось выждать нужное количество времени, чтобы полковник признал это вслух.

– Хорошо, допустим. – Сидорин остановился перед картой Пальмиры и прилегающих территорий, которую высветил на настенном экране мультимедийный проектор.

– Нам предстоит разминировать территорию площадью около 180 гектаров, напомнил Ивлиев. – Очень было бы желательно получить хоть какие-то координаты, ориентиры. Надо начинать поиски, оттолкнувшись хоть от чего-то.

– Ну, Котов? – ворчливо произнес Сидорин, не оборачиваясь. Он все еще сердился и на подчиненного, и на самого себя.

– С вашего позволения. – Котов поднялся как взведенная пружина и подошел к экрану. – Наш друг ничего толком и сам не знал. Единственная подсказка заключается в том, что боевики что-то копали, закапывали, прятали. Если по следам земляных работ...

– Сколько прошло времени с момента закладки фугасов и оборудования минного заграждения? – спросил Ивлиев. – По вашим данным, уже больше месяца, когда боевики поняли, что сирийская армия докатится до Пальмиры и ее будет не удержать. В этом климате следы земляных работ перестают различаться уже через неделю. Я вас в этом уверяю, я достаточно поработал и на Ближнем Востоке, и в Африке. Влага испаряется, влажная земля рассыпается пылью, и все.

– Ваши специальные средства? – повернулся к Ивлиеву Сидорин. – На какой глубине определяются заряды вашими средствами?

– Собственно заряды определяются на небольшой глубине, – улыбнулся подполковник, – а вот признаки, по которым можно предположить взрывное устройство, – это другое дело. Товарищи, я бы на вашем месте на нашу технику не особенно уповал. Мы, конечно, многое можем, даже сказочно много, но ведь и те, кто минировал, тоже имеют представление о современных средствах поиска и разминирования.

– Тогда давайте исходить из того, где можно спрятать, установить пульт управления минным комплексом, – предложил Котов. – Ведь это должно быть что-то вроде...

– Да что угодно! – виновато усмехнулся подполковник. – Ведь наверняка управление комплексное. Где-то проложен кабель, и достаточно замкнуть электрическую цепь, источник радиосигнала...

– Почему вы так думаете? – удивился Сидорин. – Может, все проще, может, не заморачиваться? Установили радиозапалы, и жди сигнала. Зачем кабели, проводники?

– Опыт подсказывает, Михаил Николаевич, – ответил Ивлиев. – Условия для прохождения радиосигнала всюду разные. Плюс много арматуры, строительных материалов, которые экранируют, или более глубокое залегание взрывчатого вещества. Так что комплексное управление неизбежно. Но и кабель не панацея для них. Ведь максимальное расстояние, на котором можно передать импульс по проводу без потери, – это... ну, километр. А если несколько электрических запалов? Нужны электрические батареи, много батарей.

– Аккумуляторы, – поддакнул Котов.

– Да, можно использовать обычные автомобильные аккумуляторы.

– А они точно не могут через спутник это все взорвать? – задумчиво спросил Сидорин. – Могли им, например, турецкие друзья подсуропить с оборудованием. Хотя запалы, рассчитанные на спутниковый сигнал, – это уровень уже серьезной организации современного развитого государства с мощной военной и разведывательной инфраструктурой. Нет у них условий для этого.

– Да, мы тоже сомневаемся, – согласился Ивлиев. – Слушайте, у меня ребята прибывать начинают, снаряжение и оборудование пришло сегодня с очередным бортом. На той неделе собачки прибудут. Времени у нас совсем нет. Есть приказ президента, и есть его сроки. Так что давайте определяться. Я предлагаю подойти комплексно вашими и нашими силами. Значит, что ищем? Полости в земле, в которых можно разместить пульт управления минными заграждениями. Это или естественная полость, или рукотворная. Либо подвал дома, либо колодец, либо изготовленная боевиками шахта. Георадарами мы можем работать, но опять же территория большая, все это не быстро, плюс она максимально минированная. Придется каждый маршрут сначала провесить вешками, частично разминировать, потом уже работать дальше.

– Хорошо, мы будем работать параллельно с населением, – согласился Сидорин. – Информация, которую нам следует найти: перемещение и складирование автомобильных или иных аккумуляторных батарей, большого количества кабелей, места недавних земляных работ по прокладке кабельных каналов или бурение. И, естественно, складирование и перемещение взрывчатых веществ.

– А там было население? – спросил Котов. – Мне кажется, что из Пальмиры все ушли, когда туда пришли боевики, тем более когда они начали взрывать исторические памятники и казнить там заложников прямо в древнем амфитеатре.

– Значит, будем искать тех, кто там оставался в те годы. Может быть, боевики местное население привлекали к работам. Хотя сомневаюсь, что они оставили после этого кого-то в живых. Так, Борис, завтра в полдень вертолетами нас перебросят в Пальмиру. Собирай и готовь группу. Все снаряжение по полной программе. Неизвестно, с чем там предстоит столкнуться и как будет складываться ситуация. Быть готовым ко всему!

– Боря! – неслышно ступая легкими кроссовочками, Мариам подбежала к Котову и остановилась в нерешительности.

Капитан бросил быстрый взгляд по сторонам, пытаясь понять, обращает ли кто на них внимание или нет. И от этого своего поступка ему сделалось неудобно перед девушкой и стыдно за себя. Волна недовольства захлестнула, заставила нахмуриться. Мариам улыбалась, глядя ему в лицо, как будто понимала состояние русского офицера, не осуждала его, а просто ждала, когда он овладеет собой.

– Командир! – возник рядом старший лейтенант Белов и весело кивнул Мариам: – Привет, снайперша! Ты к нам в гости? Привет твоим подружкам!

– Здравствуй, Саша, – кивнула девушка.

Белов протянул Котову ключ от модуля и доложил:

– Ребят на обед отправил. Потом готовиться будем. Если что, я тоже в столовой. Пока, Машка!

– Боря, – тихо позвала Мариам, – а пойдем тоже обедать. За столом и поболтаем.

Котов улыбнулся, мысленно обозвав себя «великовозрастным ребенком». Боевой офицер и по возрасту уже не мальчик, а все смущается, все оглядывается, а как посмотрят на это окружающие. Можно было решиться и позвать Мариам к себе в модуль. Она бы пошла, с радостью пошла бы. И, наверное, они бы целовались там... недолго. Потом девушка просто сидела бы, обхватив его руку и прижавшись щекой к его плечу, а он бы не шевелился, боясь спугнуть удивительный момент спокойствия и тихой нежности...

Мариам с аппетитом наворачивала щи, очень изящно держа ложку, и щебетала о том, что давно не ела таких вкуснейших щей с мясом и сметаной. Что она вообще уже стала забывать, каков вкус настоящей русской сметаны. А «макарены по-флотски» у них с отцом теперь праздничное домашнее блюдо. Мариам его готовит всегда, когда они встречаются в столице. Отец у нее – адмирал. Но учился он в Военно-морской академии в Питере, значит, должен обязательно хоть иногда есть «макарены по-флотски», как принято на российском флоте.

Котов потягивал компот из сухофруктов и любовался раскрасневшейся девушкой. Воротник ее куртки приоткрывал нежную загорелую девичью шею... И щеки вон разругались, а над верхней губкой появились бисеринки пота. Мариам вдруг подняла глаза на капитана, медленно положила ложку и, промокнув салфеткой губы, с удивлением спросила:

– Ты чего? Я как-то не так ем?

– Ты здорово ешь! – тихо засмеялся Котов. – Такому аппетиту порадует любой ротный старшина. Солдаты должны так есть. С аппетитом и задором.

– А я к тому же еще и девушка, – прищурилась Мариам. – Я не должна, как солдат, ложкой стучать по тарелке и... как это по-русски... чавкать!

– Ты очень женственно и изящно ешь, – улыбнулся Котов.

– Боря, я всегда за тебя волнуюсь, – вдруг без всякого перехода с грустью проговорила Мариам. – У вас самая опасная служба. Мы как-то все вместе, а вы там в основном одни, и вас трудно будет выручить, если что-то случится. Да еще, наверное, часто без сна и еды. Без воды.

– Ты как-то странно понимаешь нашу службу, – усмехнулся Котов. – Это наши враги не спят по ночам и не пьют днем, потому что видят нас рядом или знают, что мы где-то поблизости. Кому же охота связываться с российским спецназом!

– Все шутишь, – улыбнулась Мариам одними губами. – Это хорошо, значит, ты веришь в победу, в успех. А нас скоро перебросят куда-то. Всю нашу группу снайперов.

– Не спрашиваю куда, знаю, что военная тайна.

– Да я и сама не знаю. Нас не предупреждают. Двадцать четыре часа на сборы и в машину. И новый населенный пункт, новая позиция.

– Я найду тебя, – пообещал Котов. – Если буду рядом, то обязательно услышу, потому что о вас всегда говорят. Вами гордятся, ваши солдаты относятся к вам по-отечески. Так что мы обязательно встретимся.

– Борька, – вдруг всхлипнула девушка, – какой же ты хороший!

– Это ты у меня хорошая, – расплылся в улыбке Котов.

– Как ты умеешь слова подбирать, – склонив голову набок, прошептала Мариам. – А я постепенно забываю русский язык. Словарный запас уменьшается просто катастрофически. А мне ведь еще по Питеру гулять. Кстати, меня кто-то обещал поводить по городу, показать белые ночи.

– Обязательно, – кивнул Котов.

Глава 2

Провинция Хомс. Окраина города Тадмор.

Район историко-археологического комплекса Пальмира

Группа расположилась в лагере, который готовился для прибывающих из России саперов. За текущий день дважды разгружались транспортные вертолеты, прибывавшие из Хмеймима. Лагерь охранялся сирийцами, и, на взгляд Котова, безопасность российских специалистов они обеспечивали на высоком уровне. Кроме оборудованных огневых точек, наблюдательных пунктов с круглосуточной аппаратурой слежения, были установлены и датчики движения. Прилегающая территория круглосуточно контролировалась усиленными патрулями.

– Сашка, распорядись здесь, – подходя к машине, сказал Котов. – Раздели людей на три смены. Не исключено, что работать придется круглые сутки. Пополни запасы НЗ, посмотрите все машины, пока вокруг спокойно. Я в Пальмире, наверное, задержусь, может быть, и ночевать там придется.

– С местным населением следует поработать, – заметил Белов. – Не в вакууме же боевики жили и дела свои делали. Надо искать доверенных лиц и попробовать поговорить с ними. Где пряником, где сладкой сказочкой, а где и...

– Ну-ну, – осадил заместителя Котов. – Мы тут освободители, на нас буквально молятся, а ты предлагаешь чуть ли не репрессии начинать. Очень осторожно придется все делать. Очень и очень.

– Это понятно, – кивнул Белов. – Будьте все время на связи. Одну группу я буду держать постоянно в пятиминутной готовности.

– Да, хорошо, – Котов кивнул, пожал руку заместителю и зашагал к машине.

Сержант Лысаков бросил взгляд на командира и молча завел мотор пикапа. В кузове зашевелились, усаживаясь поудобнее, переводчик лейтенант Зимин и контрактник Лешка Болтухин. Высокий и здоровенный Болтухин постучал ладонью по кабине, давая знак, что они готовы.

Котов сидел, нацепив на нос темные очки, и смотрел на приближающиеся величественные развалины. Собственно, Пальмирой назывались именно эти остатки позднеантичного города бывшей Римской империи. Хотя рядом располагался небольшой поселок, пока еще пустующий. Выбеленные солнцем и ветрами пустыни двухэтажные дома и низкие хибарки смотрелись тоже довольно убого. В который уже раз русский капитан думал о том, какие испытания обрушились на этот народ. И Россия пришла на помощь, как всегда приходила на помощь многим на планете. Буквально недели отделяли эту страну от краха, когда Сирия перестала бы существовать как государство. Нечто подобное уже произошло с Ливией.

– Наши поехали? – указал вперед рукой Лысаков. – Вон тот броневичок явно из Хмеймима. Не Сидорин ли?

– Наверняка, – кивнул Котов. – Давай за ними!

Машину своего начальства спецназовцы догнали уже на окраине поселка. Полковник Сидорин стоял, по обыкновению заложив руки за спину и «набычив» свою большую голову в мягкой камуфляжной фуражке. Стоявший рядом с ним представитель саперной группы подполковник Ивлиев что-то говорил ему, показывая рукой в сторону древних развалин. Лысаков свернул левее и затормозил по другую сторону от военного броневика. Приказав всем ждать возле машины, капитан легко выпрыгнул на истертые веками камни и двинулся к офицерам.

– Так, ты приехал, – вместо приветствия констатировал Сидорин, мельком глянув на отдавшего честь Котова. – А мы вот тут с Владимиром Андреевичем кумекаем, где и как этот злополучный узел искать.

– Собственно минный узел, как вы его называете, – улыбнулся подполковник, – найдут потом саперы. А то, что ищем мы, – это всего лишь пульт дистанционного управления. Всю эту систему следовало бы называть минным заграждением.

– Хрен редьки не слаще, – вздохнул Сидорин. – Какие первые шаги планируете?

– Сейчас три группы проложат безопасные маршруты, частично разминируют пути подходов, чтобы можно было, в случае необходимости, подогнать автомобильную технику. Потом начнем методично и планомерно обследовать подвалы, колодцы и другие подходящие понижения. Возможно, удастся найти кабельные каналы, и тогда по ним мы можем дойти до пульта дистанционного управления. Но это, если повезет.

– По спирали, – вставил Котов, глядя на развалины.

– Что, простите? – не понял Ивлиев.

– Я говорю, кабельные каналы надо искать по спирали. Так собаки ищут потерянный след. Описывают круги по расходящейся спирали и, рано или поздно, пересекают потерянный след.

– А, да, это вы точно подметили, – улыбнулся подполковник. – Начитанный у вас капитан, Михаил Николаевич.

– А еще примерно так искали волну торпедные катера во время войны. Они шли поперек гипотетического маршрута вражеского корабля и пересекали волну, которую тот оставлял в кильватере...

– Начитанный, – согласился Сидорин, но с такой интонацией в голосе, что Котов счел необходимым замолчать и больше не блистать эрудицией.

– Какие-то еще соображения у вас есть? – спросил Ивлиев.

– Карта нужна, – не сдержался Котов. – Подробная карта поселка и расположения памятников и других развалин. Желательно на топографической основе.

– Хорошо, – кивнул Сидорин. – Найдем или изготовим. Должно же быть какое-то учреждение или хотя бы человек, у которого сконцентрирована информация по всей этой исторической местности. Если уж в ЮНЕСКО она на учете, то в крайнем случае через Москву запросим данные.

– Карта – это хорошо, – поддержал подполковник, – а то ведь мы собирались работать по системам спутниковой навигации. А это не более чем план местности, хоть и очень точный в масштабе. Надо еще с сирийцами обсудить вопросы ограничения доступа, хотя бы на первом этапе разминирования. Если разминируем поселок, то угроза все равно гипотетическая останется. А возможны и провокации, и нападения на моих ребят. Уверен, что захотят нам помешать.

– С этим все продумано. Зона охраняется надежно, я проверял сам, – ответил Сидорин. – Патрулируется не только периметр, но и территория на десятки километров дальше в пустыню с помощью бронированной техники. Сирийцы подтянули свое подразделение спецназа. А через пару дней мы перебросим сюда с базы группу специалистов с «беспилотниками».

– Теоретически у нас две гипотезы. – Ивлиев повел рукой вдоль панорамы древних развалин. – Либо блок управления минным комплексом расположен в центре, от которого радиально отходят провода к фугасам, – не идеальный, конечно, а приблизительный центр, либо центр располагается несколько в стороне или, как третий вариант, – на безопасном расстоянии от заминированных территорий. Вот исходя из этих посылов, и начнем работать. Имея в виду также то, что пульт управления должен быть надежно спрятан.

– Что в данных условиях означает – спрятан глубоко, – добавил Котов.

Ивлиев извинился и отправился встречать два подъехавших армейских «КамАЗа». Сидорин проводил подполковника взглядом и сказал:

– Сирийцы решили перебросить сюда группу снайперов, с твоей Мариам в том числе.

– Михаил Николаевич! – насупился Котов.

– Да ладно тебе, – усмехнулся полковник. – Вся база давно уже знает, а он стесняется. Только у нас в разведке может быть такое – головорез из головорезов, а про девушку услышит и краснеет. Ладно, давай без шуток! Сейчас отправишься к ним в штаб и сам определишь районы применения снайперской группы. Своих ребят разместил?

– Так точно. Работаем в три смены, снаряжение в порядке. Пикапы исправны.

– Ты вот что, Боря, осмотри-ка все подходы к району разминирования сам.

– Я уже планировал. Особенно с севера и северо-запада.

Вернувшись к своей машине, Котов со спецназовцами склонились над навигатором, рассматривая увеличенное, насколько это возможно, изображение территории Пальмиры. Капитан развернул навигатор так, чтобы план на экране совпадал со сторонами света, и приложил к глазам бинокль. Холмы и развалины старинных башен ему не нравились. Очень удобное место для наблюдателей террористов, очень удобное место для устройства пункта дистанционного управления фугасами. Единственно, что успокаивало, что кабели на такое расстояние, да еще по склонам холмов, не закопаешь. Там скалы.

– Туда бы сирийцев посадить, – глядя на холмы, сказал Лысаков. – Станковый и два ручных пулемета для круговой обороны, пару снайперов, дальномер, тепловизоры, инфракрасную аппаратуру. Вот они нас и прикроют с этой стороны.

– Это точно, – согласился Котов. – Высотки надо обживать. Нам такой геморрой сзади не нужен. Ладно, запомним этот момент. Смотрите еще, вон к северу уходит долина колонн. Она на схеме есть?

– Есть, – показал кончиком карандаша Зимин.

– А левее, что там на схеме в конце широкой улицы?

– Это, как указано, Дамасская улица, а на северо-западе она заканчивается Дамасскими воротами или Аркой. А дальше – развалины так называемого Лагеря Диоклетиана.

– Развалины нам с той стороны нежелательны, – задумчиво произнес Котов, – но они есть. А левее – что-то похожее на акведук, и тоже выходит к окраине. У нас есть шоссе, которое уходит на запад к Хомсу, и на северо-восток есть шоссе. Там все прикрыто. А на севере и северо-западе – пустыня, холмы, а дальше скалы. Дикие и нехорошие места. Лишай, заводи тарантас!

– Есть! – бойко ответил сержант Лысаков и повернулся к кабине пикапа.

Котов приказал Белову отправить ему еще четверых спецназовцев на машине, определив местом встречи северо-западную окраину Пальмиры. Выехав к окраине поселка, он велел остановить машину. Интуиция подсказала, что не стоит здесь так открыто ездить и привлекать к себе внимание посторонних, если они есть. Капитан вызвал старшину Алейникова через коммуникатор.

– Барс, я – Сокол, – тут же ответил спецназовец. – Мы на месте, ждем вас.

– Машина где? – спросил Котов, осматривая окрестности.

– Мы ее оставили в ста метрах северо-восточнее, под холмом. Подогнать ближе?

– Нет. Молодец, Сокол! Я и Зима идем к вам. Не высовываться, наблюдать. Ты что-то заметил? Почему не стал подъезжать на машине к точке сбора?

– Интуиция, – задумчиво ответил старшина Алейников, один из самых опытных контрактников в группе. – Может, они минировали тут не только памятники архитектуры и истории, а все подходы и подъезды. А может, отсюда их разведчикам легче подобраться к Пальмире.

Алейников и двое бойцов группы ждали командира под колоннами акведука. Котов спрыгнул с древней грубо отесанной плиты, дождался, когда следом спрыгнет переводчик, и только потом заговорил:

– Задача на сегодняшний вечер такова: обследовать прилегающие территории на глубину до одного километра на север и северо-запад в полосе вон от того холма, под которым вы спрятали машину, и до вон тех остатков апельсиновой рощи. Цель: обнаружение возможных схронов, следов лежки, других следов недавнего пребывания людей, расчищенных путей подвоза тяжелого вооружения и просто следов земляных работ, проводимых по времени от двух недель до трех месяцев. При работе соблюдать максимальную осторожность. Возможно нападение разведывательно-диверсионной группы, опасность представляют также противопехотные мины, самодельные фугасы с взрывателями нажимного и натяжного действия. Вопросы?

– Разрешите? – поднял руку лейтенант Зимин. – Почему вы определили срок земляных работ не ранее трех месяцев?

– Во-первых, большой срок мы просто в этом климате не определим. А во-вторых, три месяца назад боевики еще не боялись того, что их могут выбить из Пальмиры. Мы же имеем дело, судя по оперативным данным, именно с минно-заградительным комплексом с дистанционным управлением. Только предназначен он не для защиты позиций, а для уничтожения памятников культуры. Хотя принцип установки тот же самый.

– С воздуха надо район посмотреть, – вздохнул Алейников.

– Через пару дней придут «беспилотники», а пока придется побегать ножками.

– Сирийскую охрану надо сюда, чтобы прочесали все, – предложил Зубченко.

– У них своя работа, – ответил Котов. – По существу вопросов больше нет? Тогда работаем двумя группами. Первая – Сокол, Лишай, старший – Сокол, ваш правый сектор в 30°. Вторая группа – Зуб и Болт, старший – Болт.

– Понял, Барс, – раздался в коммуникаторе голос Болтухина, оставшегося вместе с Лысаковым у машины. – Мне к вам идти?

– Оставайся на месте, Зуб идет к тебе. Ваш сектор самый западный. Я и Зима идем по центру.

Тихо поднявшись, спецназовцы исчезли среди камней и обломков. Котов, обратив внимание, как Зимин удивленно закрутил головой, удивляясь способности разведчиков исчезать на глазах, улыбнулся и кивком велел переводчику следовать за собой.

– Идешь «след в след», – строго приказал он. – У тебя опыта еще маловато, и глаз не наметан, чтобы самостоятельно тут ходить. Мины и растяжки могут встретиться даже здесь. Поэтому глядишь только под ноги. Признаки минирования помнишь?

– Да, – кивнул Зимин и облизнул пересохшие губы. – Могу перечислить.

– Не надо, верю. Значит, смотришь под ноги и выполняешь мгновенно и беспрекословно все мои приказы. За окружающей обстановкой буду следить я.

Они шли уже около тридцати минут. Зимин старательно ставил ноги, как учили, – не на пятку, а на внешнюю сторону ступни, – и водил глазами по земле. С одной стороны, ему хотелось помочь командиру, показать свою нужность и приспособленность в боевой обстановке, а с другой – мечтать натолкнуться на мину и дать командиру знак было глупо. Зимин даже не подозревал, что командир так нагнетал обстановку умышленно, чтобы побыстрее прививались спецназовские привычки у вчерашнего выпускника МГУ. Котов и сам прекрасно успевал смотреть под ноги и по сторонам, ловя посторонние звуки, запахи, движения. Камни, кустарник, понижения рельефа, скальные образования, какие-то обломки, то ли жилого строения, то ли гидротехнического сооружения, снова кустарник, потом чахлая рощица.

– Замри! – приказал он и поднял сжатый кулак. – Все, привал, можно посидеть и попить, если хочешь.

Зимин опустил на траву, блаженно вытянув ноги, и чуть потряс ими. Котов опустил лишь на одно колено и, не выпуская автомата, все еще осматривался по сторонам. Лейтенант подтянул под себя ноги и тоже взял в руки отложенный было автомат. Бросив короткий приказ «наблюдать», командир мягко и неслышно двинулся куда-то вперед и влево. Переводчик занял позицию, как ему показалось, очень удачную – с сектором обстрела вправо и назад относительно направления их движения – и стал ждать.

Котов вернулся через две минуты, опустил на траву и достал фляжку с водой.

– Люди. Были здесь не позднее вчерашнего вечера.

– Много? – насторожился Зимин, глядя, как командир набирает в рот немного воды из фляжки и держит ее там, увлажняя слизистую оболочку рта. И только погоняв воду несколько секунд во рту, он ее глотал. Этот способ утолить жажду минимальным количеством воды лейтенант уже знал.

– Скорее всего, двое, – сделав второй глоток, ответил Котов.

– Вы их унюхали, что ли? – вяло улыбнулся переводчик.

– Сначала не их. Ты запоминай, запоминай, Олег. Унюхал я шакала, который тут территорию пометил. А потом обратил внимание на помятость травы и мелких камней под тяжестью человека или животного весом примерно 50–80 килограммов. Мог быть и человек, а мог быть и каракал с добычей в зубах, или же антилопа, онагр.

Котов постучал по микрофону коммуникатора, укрепленному возле щеки, давая понять группе, что последует выход на связь. Старшие пар доложили ситуацию, и каждая пара предположила по косвенным признакам, что недавно в этой местности были люди.

– Все, я – Барс. Слушать приказ. Болт, возвращаешься к Лишаю, Сокол, ты к своей машине. Пикапы замаскировать как можно лучше. Пулеметы с турелей снять. Сбор через два часа на прежней точке встречи. Из машин весь комплект боеприпасов, свои спальники. Вопросы? Нет? Исполнять!

– Будем ночевать здесь? – спросил Зимин.

– Да. Наблюдатели тут крутились не зря. Крутились очень осторожно. Пока на сто процентов не налажена охрана района, можно ждать чего угодно. И лучше нам эту ночь тут подежурить. Береженого бог бережет. Пошли назад, Олег. Нам для нашего войска надо еще позиции выбрать и подготовить их.

Сумерки застали группу на подготовленной позиции. Пока спецназовцы готовились к отражению возможной атаки, Котов и Алейников лежали, высматривая возможных гостей или нежелательных наблюдателей. Опыт подсказывал, что сейчас, скорее всего, в полосе обороны небольшой группы врага нет. Видимо, подготовка спецназовцев прошла незамеченной для вероятного противника, и это давало надежду на успех боя. Впрочем, спецназовцы умели очень успешно воевать и на неподготовленных позициях. А уж здесь каждый успел устроить себе еще и пару запасных на случай необходимости отхода или смены сектора обстрела.

Котов спланировал расположение бойцов таким образом, чтобы сектора обстрела каждого перекрывались секторами соседних стрелков. Два 7,62-миллиметровых «печенег», снятых с турелей машин, стояли замаскированными на флангах позиции. На одной из двух самых высоких точек в развалинах водонапорной башни лежал Коля Алейников со снайперской винтовкой, снабженной ночным прицелом. Кроме ночного прицела, у группы было всего два прибора ночного видения, которые хранились в машинах как часть минимально необходимого снаряжения.

Котов опустил окуляры на лицо и стал осматривать позиции. Тепла человеческих тел, кроме излучения остывающих камней, он не различал. Каждый боец на руках имел тактиче-

ские кевларовые перчатки, голова прикрыта капюшоном камуфляжа с сеткой на лице. Если бы командир не знал, кто из его ребят где лежит, он бы их просто не нашел. По крайней мере, не так быстро. Болтухин и Зубченко справа и слева разместились ближе к пулеметам, чтобы прикрыть их позиции. Пулеметчики наиболее уязвимы во время ведения огня, они не успевают следить за окружающей обстановкой.

Боря Крякин и Володя Лысаков лежали в центре выгнутой подковы позиции и имели широкий сектор обстрела. У них была самая сложная позиция, но этих ребят Котов выбрал не случайно. Самые выдержанные и хладнокровные из группы. Они не спасуют, не поддадутся панике, не сдвинутся с места ни на шаг. Флегматичный Крякин с позывным «Боб» и балагур и известный насмешник Лысаков с позывным «Лишай». Сам Котов и лейтенант Зимин составляли вторую линию обороны, а заодно и командный пункт всей позиции.

– Смотри, – шептал капитан переводчику. – Атаковать левее и правее противник не сможет, даже если кто-то увидел наши приготовления. Там просто невозможно и атаковать, и в то же время заниматься альпинизмом. Они на этих уступах, скалах и обломках будут как мишени в тире. Им прямой путь в нашу «подкову». Тут они могут двигаться перебежками, тут есть, где укрываться и вести прицельный огонь. Они могут наступать в любом количестве, здесь число уже роли не играет. Втянутся в бой, продвинутся до позиции Боба и Лишай, а потом с флангов попадут под кинжальный огонь пулеметов, и выбраться из-под нашего огня им будет некуда. Жестоко, конечно, но этот бой будет боем на истребление. Пара выстрелов из «Шмеля»² термометрическими боеприпасами, и там останутся только трупы. А те, кто сумеет выжить в этом огне, будут как на ладони, а сами за пределами поражаемой зоны ничего не увидят.

– Жутковато, конечно, – признался Зимин. – Но это только с общечеловеческой точки зрения. А когда вспомнишь, что они творили здесь с пленными, с заложниками, которых казнили, снимая на видеокамеры, да и вообще, сколько зла отсюда распространилось по планете, то чувство жалости как-то само собой исчезает. Я уж молчу про исторические памятники.

– Ничего, Олег, – похлопал Зимины по руке командир. – Просто у нас работа такая. Как у ассенизаторов. Дерьмо убирать с поверхности земли, чтобы людям жилось чище и дышалось легче.

Старший лейтенант Белов сидел у рации на базе и ждал. Группа спала, не раздеваясь и не разуваясь. По сигналу тревоги бойцы смогут покинуть лагерь и броситься на помощь командиру на окраине Пальмиры буквально через минуту. Сирийцы быстро блокируют район, и опасность не в том, что боевики сумеют проникнуть на территорию Пальмиры. Задача российского спецназа в том, чтобы никто из диверсионной группы не ушел живым. И уж совсем хорошо, если удастся взять «языка». Для этого вторая часть группы во главе с Беловым должна будет перекрыть пути отхода боевиков от Пальмиры.

Странно, думал старший лейтенант, зачем им туда соваться? Ради того, чтобы взорвать как можно больше памятников культуры и жилых домов? Какой от этого эффект? Ну, для фанатиков праздник будет. Они же чуть ли не с идолопоклонничеством борются, в их понятии. Но для командиров оппозиции важнее другое, нанести урон российским военным и подразделениям правительственной сирийской армии. Значит, взрывать им надо тогда, когда разминирование будет идти полным ходом. А еще лучше, когда оно будет идти к концу, когда неизбежно наступит эйфория от приближающегося успеха. Но это они так думают. Наши

---

² Реактивный пехотный огнемёт (РПО) «Шмель». При взрыве термобарического боеприпаса высокотемпературный импульс сопровождается резким перепадом давления, образующимся из-за взрыва топливо-воздушной смеси. Уничтожает все живое в объеме до 80 м³. Площадь поражения на открытой местности – около 50 м².

саперы где только не работали, какая там эйфория, когда у них эмоции не просто запрещены, туда эмоциональных просто не берут.

– Всем, я – Барс! – вдруг раздался в коммуникаторе спокойный голос Котова. – К бою! Белов машинально глянул на часы. Десять минут пятого утра.

– Группа, подъем! – рявкнул он, вскакивая со стула и застегивая разгрузочный жилет.

Котов принял наблюдение в четыре часа утра и приказал Алейникову отдыхать. Он почти сразу увидел через прибор ночного видения в зеленоватом свете две человеческие фигуры. Вот они исчезли за камнями, и тут же появился еще один, потом еще двое... еще и еще.

– Всем, я – Барс! – Котов постучал по микрофону пальцем, привлекая внимание своих бойцов, и снова повторил: – Всем, я – Барс! К бою!

И тут же торопливо зашелестело в эфире, тут же послышались бодрые голоса спецназовцев, докладывающих, что они на месте и что все к бою готовы. Белов доложил, что вторая часть группы в лагере на окраине Тадмора поднята по тревоге. Все, теперь можно лишь ждать результатов подготовки к этому бою, изменить уже ничего нельзя. Можно отменить, можно не вступать в бой, но уж если бой состоится, то позиции заняты, план боя доведен до каждого бойца, план перехвата оставшихся боевиков, которые попытаются отступить, тоже оговорен. И Белов со своими бойцами не сможет помочь командиру, потому что в темноте в этих условиях, почти на минных полях, он положит людей или перестреляет тех, кто занял позицию с Котовым. Теперь у каждого своя задача, несмотря на то, выживет он или нет.

Будут идти или перестроятся для атаки? Пойдут дальше или атакуют? Покусывая нижнюю губу, Котов смотрел через прибор ночного видения на фигуры людей, то сливающихся с камнями, то появлявшихся снова. Спецназовец не обольщался насчет того, что приготовления его группы могли остаться не замеченными для боевиков. Если они здесь бывали и подолгу сидели, значит, наблюдение налажено. И, значит, сегодня российских солдат тут могли засечь. Котов, предвидя и такой поворот событий, проинструктировал своих бойцов соответственно. Сейчас все зависело от поведения группы неизвестных.

Двенадцать, девятнадцать, двадцать два... Он считал, мысленно измеряя расстояние до передовых позиций своих ребят. Как они растянулись! Это худший вариант, но и его Котов предвидел. Маловероятно, что противник поперет, как стадо баранов, толпой, кучно. Сейчас к Пальмире шла группа хорошо подготовленных боевиков. И очень некстати чуть ли не у каждого второго на плече виднелась туба ручного гранатомета. А еще Котов насчитал четыре ручных пулемета. Хорошо, что местность не позволяла подойти бронетехнике, а то можно было бы ожидать и бронетранспортера. Интересно, откуда просочилась такая большая группа?

– Седой, я – Барс, – вызвал капитан своего заместителя. – Не пугайся, если у нас тут сейчас начнется маленькая война. Что-то до хрена их идет. Жди приказа, не дергайся. Если повернут назад, начнется твоя работа, но не раньше.

– Понял, Барс, – холодно ответил Белов.

Сильный парень, мысленно похвалил заместителя командир. В быту, между делом, он вполне и пошутить может, и выпить, и в морду из-за девчонки, если надо. Но в боевой обстановке Белов превращался в машину, в робота без нервов и эмоций. И ситуацию схватывает на лету, и решения принимает мгновенно. И безошибочно.

– Всем, я – Барс! – снова приказал Котов. – Пулеметный огонь без команды не открывать. Первая линия – приготовиться. Огонь по команде на расстоянии 150. Сокол, видишь командира у них?

– Не вижу. Валят колонной, ничем внешне не отличаются. Барс, у них тяжелое вооружение. Много!

– Вижу, Сокол, вижу! Всем как можно чаще менять позиции. Возможен интенсивный огонь из ручных гранатометов...

Закончить устный приказ Котов не успел. Несколько передних боевиков вдруг присели на одно колено, вскинув на плечи гранатометы. Его опередил Алейников, выкрикнув: «Внимание, гранаты!» И бойцы вжались в камни. У каждого была ниша в камнях, куда предполагалось укрываться при обстреле из гранатометов и минометов, если таковые нашлись бы у боевиков. И тут же вспышки разрывов осветили это дикое запустелое каменное царство. Котов содрал с лица прибор ночного видения. Разрывы взметнулись один за другим по всей линии обороны спецназовцев. Не оставалось сомнений, что наступавшие знали о засаде, знали, что здесь заняла позицию небольшая группа солдат. И пройти незваные гости эту позицию намеревались с ходу, без задержки, просто сметая все на своем пути разрывами гранат.

– Первая линия, я – Барс! Огонь! – прокричал Котов, не слыша своего голоса и пригибая голову к камням.

Осколки визжали и крошили камень вокруг. Стискивая зубы, он старался не думать, а какой же ад стоит сейчас там, внизу. Ему как командиру надлежало думать совсем о другом. Тем более что автоматы заговорили, и несколько боевиков послушно повалились на камни в разных позах, роняя оружие и корчась. Думать Котову следовало о том, на что же рассчитывает наступающая группа численностью около тридцати человек. И какова ее цель? Допустим, прорвутся они к Пальмире, допустим, спецназа тут не было бы, и они свободно прошли дальше. И что бы они предприняли с таким арсеналом, с таким количеством пулеметов и гранатометов? Куда и зачем они направляются? Просто диверсия?

Слева и чуть выше наверняка стрелял Алейников. Что-то уж как по заказу падали боевики с гранатометами в руках и те, кто пытался установить пулемет и занять позицию для обстрела обороняющихся. «Винтореза» Алейникова не слышно и не видно даже ночью. Сокол – снайпер от бога, но он один не справится, слишком хорошую подготовку проявляли нападавшие. Еще немного, и они начнут забрасывать гранатами позиции стрелков, сделают то, что не может гранатомет. Гранатомет стреляет по прямой траектории, а брошенная рукой граната может перелететь через укрытие, бруствер.

– Внимание, я – Барс! Пулеметы, огонь. Всем огонь!

Рядом начал стрелять Зимин, и тут же, как по мановению волшебной палочки, над головами наблюдательного пункта Котова запели пули, с визгом стали рикошетить от камней, взбивать рядом с лицом фонтанчиками землю. Командир сразу понял, что стреляет только один пулемет, справа.

– Болт! Что с тобой, где огонь?!

– Барс... осколок! Оружие повреждено... – сквозь шум прорвался в наушнике голос Болтухина.

И тут же слева стал бить короткими расчетливыми очередями автомат спецназовца. Но этого так мало! Нужен ливень пуль, нужен пулемет с его скорострельностью, нужен сплошной огонь, нужна лента в две сотни патронов, которая разрядится в темноту, в наступающих. Несмотря на точный огонь спецназовцев, боевики все ближе подбирались к позициям оборонявшихся. Сложно в восемь стволов удержать такую толпу, толпу умелую и до зубов вооруженную.

– Я – Барс, внимание! «Шмелями» огонь, «шмелями» огонь!!

Посветлевшее небо угрюмо смотрело на этот непонятный с точки зрения тактики бой. Упорство наступавших не имело объяснения. Котов, по крайней мере, его не находил. Это же азбука, это вбивается в головы любого бойца, как дважды два. Если ты наткнулся на упорную или хорошо организованную оборону, то маневрируй, ищи обходы, меняй тактику, не ломись, как баран! Время Сталинградов прошло. Сейчас дивизиями и армиями оборону

в одном конкретно взятом месте не ломают. Даже в тактических задачах для командиров взводов и отделений предполагается охват, подавление огнем и маневр.

И тут по глазам ударили сразу две вспышки. Котов успел зажмуриться, уловил выстрелы «шмелей», но даже перед закрытыми веками плясали огненные «зайчики». Рассветное утро на миг стало жарким днем, потом языки огня осели, вылизывая поседевшие от веков камни и черные останки того, что совсем недавно было людьми. Черное облако копоти поднялось в воздух и поплыло, уменьшаясь и растворяясь в утреннем воздухе. «Вот тебе и пленные», – с досадой подумал Котов. Не получилось взять никого... теперь там зрелище не для слабонервных... а скоро ветерком еще и запах донесет.

И тут взрывы и стрельба возобновились, но теперь уже слева, там, где Лысаков оставил свой пикап. И тут же в эфире возник напряженный и злой голос самого Лысакова:

– Барс, прорыв с тыла! Они обходят нас слева! Блин горелый... машина!

Взрыв с высоким столбом пламени стал иллюстрацией к возгласу спецназовца, продолжавшего стрелять непрерывно, но уже в другую сторону. Все это могло означать только то, что группа, которая шла напролом на позиции спецназа, была отвлекающей, а другая в это время накапливалась где-то левее, а у Котова просто не хватило людей для наблюдения за другой территорией. К тому же территорией, трудно проходимой для пешего человека. Там, куда стрелял сейчас Лишай, едва можно было пробраться по страшным завалам из огромных камней гуськом, с постоянной угрозой переломать ноги.

– Барс, они почти прорвались... дым!

Это уже голос Алейникова. Котов вскочил на ноги, приказав Зубченко с пулеметом и Болтухину оставаться на этом участке. Он понимал, что воевать тут уже не с кем и не для чего. И что кто-то только что попытался их обвести вокруг пальца. Зимин бросился следом за командиром, Боря Крякин уже карабкался по камням к позиции Лысакова. Темп стрельбы нарастал, боевики отстреливались как бешеные, профессионально прикрывая друг друга во время коротких перебежек. И только злой голос Алейникова в коммуникаторе повторял, что «они прошли, век бы их не видеть... прорвались, уроды!»

Больше «шмелей» в группе не было. Не было ни одного гранатомета. И спецназовцы били из «подствольников», пытаясь прижать прорвавшуюся группу боевиков к камням. Сколько их, чем вооружены? Для чего эта сложная атака? А в эфире уже звучал голос Сидорина, уже слышны были его комментарии действиям сирийцев, поднятых по тревоге и выдвигавшихся на опасных направлениях. На что рассчитывают эти? Вот что не давало покоя Котову.

Он пригибался, бросался в расщелины между камнями и стрелял, стрелял. Смог уложить троих, но часть группы уже уходила к колоннаде на территории Пальмиры. Там же мины! Какого черта? У них есть карта минных полей? И капитан, стиснув зубы, тоже ступил на заведомо минированную территорию. Успевать, приказывал он себе, на врага смотреть! Черт, сзади кто-то пыхтит!

– Зима! Назад! – крикнул капитан. – Тут мины, у тебя навыков нет на глаз определять...

Договорить он не успел, потому что на его глазах один из боевиков вдруг был подброшен вспышкой огня и столбом черного дыма вперемешку с пыльной землей и камнями. Еще один... а потом и второй упали под автоматными очередями спецназовцев. Случайность, ошибка или они прорываются, надеясь только на Аллаха? Злой как черт, Котов заорал в коммуникатор:

– Всем, я – Барс! Прекратить огонь! Повторяю, прекратить огонь!

Стрельба затихла, а вскоре совсем прекратилась. Три темные фигуры, освещаемые лучами восходящего пустынного солнца, затравленно жались к колоннам. Потом двинулись правее. Спецназовцы не стреляли. Внимательно наблюдая за боевиками, они пробирались между камнями, выискивая признаки минирования, рискуя ежесекундно сдвинуть камень,

наступить, задеть. Каждый старался перемещаться только по крупным обломкам, под которые трудно поместить мину нажимного действия. Каждый старался разглядеть «растяжку», которая могла караулить, как змея. Котов напряженно покусывал губу, рассматривая оставшихся в живых.

– Всем, не двигаться! – прошипел он в коммуникатор. – Зима, ты где?

– Здесь, Барс! – бодро ответил переводчик, и Котов, услышав его голос без наушника, тут же обернулся к нему:

– Видел, как я шел?

– Так точно, я запомнил.

– Давай ко мне, и не выставляй голову. Сокол, держи их на прицеле. Без необходимости не дырывать, но нас с Зимой прикрой.

Зимин упал рядом с командиром, и только теперь Котов понял, что в воздухе стоит удивительная тишина. Такое бывает после тяжелого боя, когда неожиданно стихают громкие звуки разрывов и выстрелов. Но сейчас в воздухе было что-то иное. Напряжение, отчетливое, почти осязаемое психическое напряжение. Голос Сидорина ворвался в притихший эфир:

– Барс, что у тебя? Коротко!

– Прорыв ликвидирован, – машинально ответил Котов. – Уничтожена отвлекающая группа численностью около 30 человек. Прорвавшаяся на территорию исторического комплекса Пальмира вторая группа почти уничтожена. Вижу двоих на заминированной территории. Третий только что подорвался на mine. Приказал прекратить огонь. Принял решение вступить в переговоры и вынудить оставшихся в живых сдаться.

– Потери?

– Потерь нет. Седой со своими людьми блокировал район прорыва на внешнем периметре.

– Непонятно, – проворчал Сидорин. – Какой смысл был в этой атаке? Чего они добились? Что может являться их целью?

– Не знаю пока.

– Барс, я послал тебе несколько снайперов на всякий случай. Учти, что эта группа могла иметь целью подрыв минного узла, который мы ищем. Нельзя этого допустить. В самом крайнем случае стрелять на поражение. Черт с ними, с пленными, нам нельзя допустить таких разрушений.

– Понял, – тихо ответил Котов, думая уже о переговорах.

Поманив Зимины пальцем, он дождался, когда лейтенант подвинется и ляжет рядом с ним.

– Смотри, Олег. Вон там за поваленными плитами засели два боевика. Нам надо вступить с ними в переговоры. Отсюда не докричишься. Значит, мы должны с тобой пройти еще метров пятьдесят. Идем следующим порядком. Сначала я перемещаюсь медленно, метров на пять, а ты запоминаешь, куда наступали мои ноги. Потом я тебе делаю знак, и ты так же медленно идешь ко мне и ложишься там, куда я тебе укажу. И так в несколько приемов. Запомнил?

– Так точно, – с готовностью кивнул переводчик.

– Олег, не раньше, чем я тебе махну, – снова напомнил Котов. – Учти, что я могу подорваться, и ты не должен пострадать. Поэтому вжался в камни и смотришь на мои ноги. Только по сигналу поднимаешься и идешь следом.

– Я понял, Борис Андреевич.

– Сокол! – Капитан вызвал по коммуникатору Алейникова. – Я и Зима постараемся подобраться к боевикам ближе и вступить в переговоры. Держи их на мушке. Там к тебе сейчас подойдут еще девчонки-снайперы. Расставь на позиции. Не дай бог, кто из раненых боевиков, если такие есть, в себя придет!

– Вас понял. Удачи, Барс!

Убедившись, что переводчик его понял, Котов оперся кулаками о камни, встал на корточки и двинулся вперед, пригибаясь как можно ниже. Большой камень, вон еще один. Нет, прыгать на него нельзя, от вибрации может сработать близкий заряд. Вытащив нож, капитан стал проверять рыхлую землю впереди. Еще пара шагов, вот и большой безопасный камень. Шагнув на него, он лег, положив перед собой автомат и посмотрев в сторону боевиков. Тех видно не было, и раз Алейников ничего не передал, сидят они смирно. Интересно, чего ждут? Молятся или в ступоре от трагедии, которая тут разыгралась со всей их группой? Если в ступоре, то из ступора выведем. Взмах руки, и команда через коммуникатор:

– Зима, я – Барс. Пошел!

Не отрывая надолго взгляда от того места, где прятались боевики, Котов прикидывал следующий участок своего маршрута. А Зимин тем временем уже лег рядом с командиром, шепотом доложив, что нормально прошел участок. Котов кивнул и двинулся вперед. И тут над камнями появились две головы в черных вязаных шапочках, и боевики открыли огонь. Капитан мгновенно упал на четыре точки, чтобы уменьшить площадь соприкосновения с землей, а значит, и возможность подорваться на mine. Камни прикрывали его в таком положении надежно. Скрипнув зубами, он переместил ногу на то место, куда только что упиралась его правая рука, и снова вытащил нож.

– Сокол, я – Барс! – проговорил в коммуникатор капитан. – Со мной нормально. Пугни этих упырей.

– Понял, Барс! Они палят в белый свет. Не иначе, со страху. Девчонки подошли. Я расставил их по местам.

Стоять было неудобно, но Котов умудрялся протыкать ножом землю вокруг себя, чтобы убедиться в отсутствии мин. Он опустился на колени и тут же увидел в полуметре перед собой блеснувшую на солнце проволочку. Проклятье! Тонкая какая! Как струна от гитары. И куда ведет? Ага! Вправо лучше не ходить. Ладно, обойдем это место. Он снова прощупал землю острием ножа, сделал шаг... теперь еще участок... и лезвие сразу наткнулось на что-то твердое в земле. Котов осторожно разгреб рыхлую землю и мелкие камни, обнажив взрыватель нажимного действия.

Тишина в воздухе буквально звенела. Боевики перестали стрелять, но Котову от этого легче не стало. Он уже обнаружил пять мин, включая один отечественный «Лепесток»³, но на крыле мины не было знака «С». Уже хорошо, значит, это «ПФМ-1». Откуда они у боевиков, с Кавказа доставили? Из тех, что остались там еще со времен «чеченских войн». Еще бы пройти с Зиминим пару отрезков, и можно будет начать переговоры.

Котов сделал знак переводчику, и Зимин двинулся по следам своего командира. Это был опасный и довольно открытый участок, а боевики засели в развалинах и могли перемещаться скрытно метров на десять вправо и влево. И тут случилось то, чего капитан опасался. Один из боевиков вдруг выскочил на камни в полный рост и мгновенно начал стрелять из автомата от пояса, выкрикивая что-то по-арабски. Лейтенант был сейчас совсем не защищен, но не имел права сделать хоть шаг в сторону, потому что шел по минированной территории. Выругавшись, Котов выставил автомат, но, прежде чем он успел нажать на курок, пуля старшины Алейникова свалила боевика. Мужчина в черном выронил автомат, схватившись за грудь, сделал два произвольных шага в сторону и повалился набок.

---

³ Противопехотная фугасная мина «Лепесток» – противопехотная мина нажимного действия, разработанная еще в советское время по аналогии с американской BLU-43/B «Dragon tooth». Мина существует в вариантах: «ПФМ-1» и «ПФМ-1С». Первый вариант не имеет устройства самоликвидации, второй снабжен устройством, обеспечивающим подрыв мины по истечении 1–40 часов с момента установки, в зависимости от температуры окружающей среды. Эти разновидности мины отличаются лишь четко различимым знаком «С», что на крыле мины «ПФМ-1С».

Еще один взрыв раскатом прокатился по древним развалинам. И снова черное тело, безвольно взмахнув конечностями, как тряпичная кукла, взлетело в фонтане огня, черного дыма, земли и камня. Ругаясь на чем свет стоит, Котов обернулся назад, в поисках Зимина. Алейников торопливо оправдывался, что мешкать было нельзя и что пришлось стрелять на поражение, потому что лейтенант Зимин оказался...

– Зима, ты где? Ответь Барсу! – потребовал Котов, лежа на боку и в недоумении озираясь по сторонам. – Сокол, видишь его?

– Барс, он вправо прыгнул, когда я стрелял, – прошелестело в наушнике. – Я даже не понял куда. Но взрыва не было.

– Без тебя знаю, что не было, – буркнул капитан.

– Я здесь, – хрипло ответил Зимин через коммуникатор. – Черт, колено ушиб. Виноват, товарищ капитан, когда он в меня стрелять начал, у меня выхода не было, как только... Тут мин вроде нет.

Зимин поднял над камнями автомат, и Котову снова пришлось удивляться. Переводчик не просто отпрыгнул в сторону, да еще не в ту, в которую полагалось. Он пробежал почти семь метров вперед, до надежного укрытия в камнях. Чудо, что не подорвался, потому что на таком открытом пространстве наверняка было понатыкано противопехотных мин.

– Внимание, Барс! – послышался голос Алейникова. – Это женщина. Последний боевик – женщина.

Котов мгновенно перевернулся на живот и посмотрел туда, где должен был спрятаться последний боевик. На камни взбиралась женщина, одетая в черный специальный костюм с просторной курткой. И голова ее была обмотана черным платком. На рассвете никто не разглядел этих особенностей, но теперь было хорошо видно, что это молодая женщина или даже девушка. Она взбиралась на камни без оружия, глядя перед собой, спотыкаясь и снова поднимаясь на ноги.

Зимин сразу начал что-то кричать, и Котов решил не мешать. Лейтенант уже несколько месяцев работал с группой спецназа капитана Котова и вполне освоился в общении с местными и даже пленными боевиками. Сейчас его интонации на арабском языке звучали взволнованно, но без угрозы. Наверняка уговаривал, успокаивал. Девушка остановилась и повернулась лицом на голос. Зимин тоже поднялся во весь рост, потирая колено и продолжая что-то говорить. Котов, нахмурившись, схватился за автомат. Мог ведь кто-то из «бандерлогов» оказаться и не убитым, а раненым, и Зимина срежут одной очередью.

Девушка не отвечала. Она стояла, как изваяние, опустив голову. Котов подумал, что слова успокоения, произнесенные мужчиной, могут не иметь воздействия на эту несчастную, которая прошла через такой страшный бой, которая потеряла столько своих товарищей. Но Зимин знаком с культурой арабских стран, может, и найдет ключик. Нет, не находит, вот девушка в черном подняла глаза на незнакомца, который разговаривал с ней на таком расстоянии, и что-то ответила, резко махнув рукой.

– Не могу, – чуть ли не плача, проговорил Зимин в коммуникатор. – Не получается. Она обколотая или обкуренная. А может, фанатичка. Я уж и к голосу предков зывал, и к ее женским делам, мол, ей детей рожать, сына должна своему народу подарить. Черт...

– Барс, я – Сокол! – прозвучал в коммуникаторе голос Алейникова. – К вам пошла одна из снайперов. Я не смог задержать.

Тут совсем рядом послышались легкие шаги, и Котов с удивлением обернулся. К нему, точно идя по его следам, приближалась Мариам. Она была без винтовки, лишь в зеленой запыленной куртке и таких же брюках военного образца. По ее лицу катились капли пота, смешиваясь с пылью и оставляя темные бороздки на щеках и подбородке.

– Не сердись, – опередила Мариам Котова, присаживаясь рядом на корточки и не пытаясь прятаться за камни. – Я должна попробовать. Это все слишком дорого стоит нашему

народу и миру, чтобы не попытаться рискнуть. Она – женщина, и я – женщина, мы сможем понять друг друга.

– Машка, не сходи с ума! – попытался возразить Котов. – Она – фанатичка или наркоманка. Она совершенно неадекватна, может взорвать и себя, и тебя...

– Это война, милый, – тихо сказала Мариам и приблизила свое лицо к лицу Котова. – Это наша война. Спасибо, что помогаете, спасибо, что умираете за нашу страну. Но это наша война, и нам решать, нам распоряжаться своими жизнями.

Она ласково провела ладонью по щеке капитана, поднялась в полный рост и что-то крикнула девушке в черном. Та повернула голову, но в глазах ее не было мысли. Пустой взгляд трупа. Котов передернул плечами и вызвал Зимина.

– Зима, переводы всем через коммуникатор, что говорит Мариам. Если слышишь, что отвечает эта... не при посторонних будет сказано... переводы и ответы.

– Хорошо, – не по-уставному ответил Зимин и высунул голову над камнями. – Мариам объясняет, что хочет поговорить с ней как с женщиной. У нее есть братья и сестры... Та... молчит и смотрит куда-то... на солнце, что ли.

Мариам говорила, говорила очень горячо, прижимая руки к груди. Иногда она, наоборот, разбрасывала их в стороны, будто обнимала все вокруг. Девушка в черном то смотрела на сирийку, то опускала голову. Мариам медленно, не переставая горячо убеждать, подходила к ней все ближе. Судя по словам Зимина, Мариам говорила о чести народа, о памяти предков, о том, что память о прошлом не есть язычество, это история, и она никак не влияет на веру в Аллаха. Говорила, что со всего мира в Пальмиру приезжали люди посмотреть, вдохнуть воздух истории славного прошлого человечества. И белые, и черные, и китайцы, и индейцы.

Девушка в черном вдруг закрыла лицо руками и села на камни. Мариам была уже совсем рядом. Она присела рядом с девушкой, обняла ее за плечи и продолжала что-то говорить. Котов облегченно вытер тыльной стороной ладони пот со лба. Ну, молодец, Машка, подумал он, ведь сумела же. Теперь надо саперов сюда, чтобы расчистили дорогу к телам этих утырков, что пытались прорываться. И начнется наша обыденная работа: осмотр трупов, орудия, документов, анализ личных вещей, идентификация, установление принадлежности.

Девушка в черном вдруг поднялась. Котов насторожился, с удивлением глядя на Мариам, которая продолжала сидеть и говорить, говорить, говорить. Чего она сидит, почему не встает? А девушка в черном расстегнула на себе черную куртку и стала странно пятиться назад, отрицательно крутя головой. Она с чем-то не соглашалась или вообще ни с чем не соглашалась. И Мариам сидит очень бледная. Что там происходит?

– Зима, – спросил Котов в микрофон коммуникатора. – о чем они говорят? Хоть по губам можешь понять?

В ответ раздавалось только хриплое дыхание и хруст камней под ногами. Опешив от неожиданности, Котов повернулся в ту сторону, где за камнями ближе к девушкам должен был лежать лейтенант Зимин. Но Зимин там не лежал, переводчик бежал что есть мочи к девушкам. Напрямик, наплевав на то, что здесь на каждом шагу мины и другие взрывчатые предметы, которыми боевики напичкали местность перед отступлением. Еще шаг – и взрыв!

– Зима-а-а! – заорал капитан, вскакивая на ноги. – Стой! Остановись, взорвешься!

Но Зимин уже почти добежал. Странно, но ни Мариам, ни девушка в черном даже не повернули головы в его сторону. Еще секунда, и лейтенант запрыгнул на каменную плиту, на которой сидела Мариам. Одним сильным толчком он сбил с ног девушку в черном, которая, раскинув руки, стала падать навзничь. Остальное Котов видел как в замедленном кино. Внутри у него мгновенно все сжало ледяными тисками. Тело Зимина летело в сторону сидевшей на камнях Мариам, и почти в тот же момент на том месте, куда падала девушка в черном,

ахнул огненный шар, вспучившийся серо-белым облаком и страшными черными ошметками. Вспышка ударила по глазам, и Котов тут же закрыл их. А когда снова посмотрел в ту сторону, на камнях никого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.